

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Н. Титов

д.э.н, ведущий научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

Д.М. Логинов

к.э.н., старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ¹

Аннотация. В статье на концептуально-теоретическом уровне и на уровне эмпирически подтвержденной исследовательской практики рассматриваются механизмы влияния, которое способно оказать развитие социального капитала на субъективное благополучие. Актуальность исследования определяется важностью повышения и поддержания приемлемого уровня субъективного благополучия для различных социальных групп и населения в целом. Таким образом, выявление и анализ факторов, способствующих позитивной социально-экономической динамике, представляются значимыми не только с точки зрения развития исследовательского дискурса, но и в контексте продуктивного развития страны. Субъективное благополучие рассмотрено как категория исследований качества жизни, позволяющая преодолеть ограничения объективных параметров оценки благосостояния, сфокусировав внимание на человеческих потребностях и степени их удовлетворенности. Социальный капитал проанализирован в качестве ресурса исключительной общественной значимости, поскольку его действие важно как для укрепления социальной общности, так и для повышения эффективности взаимодействий самой разной природы. Значительный социальный капитал способствует повышению субъективного благополучия, а также выступает барьером для негативной динамики удовлетворенности жизнью. Особую значимость влияние социального капитала на субъективное благополучие приобретает в периоды турбулентности, когда для населения актуализируются задачи преодоления разнообразных шоков.

Ключевые слова: субъективное благополучие, благополучие, социальный капитал, качество жизни, социальные взаимодействия, доверие, население.

JEL: A13, I31, Z13

УДК: 331.44, 334.01, 316.35

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157

© В.Н. Титов, Д.М. Логинов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Титов В.Н., Логинов Д.М. Влияние социального капитала на субъективное благополучие // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157.

FOR CITATION: Titov V., Loginov D. The Influence of Social Capital on Subjective Well-Being // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Характеристики субъективного благополучия, т.е. оценки людьми своего уровня и качества жизни, уверенно утвердились в качестве одного из базисов академического и общественного дискурса, посвящённого социально-экономическому положению населения.

Концепт «благополучия» традиционно берётся за основу разработки и реализации государственной социальной политики, а показатели благополучия населения выступают важным индикатором оценки её результативности как в актуальный временной период, так и в динамике. В нашей стране решение задач повышения уровня и качества жизни традиционно находится в фокусе государственного стратегического планирования¹, а различные аспекты субъективного благополучия входят в круг исследовательского внимания [Горшков, 2024; Аникин, Нагерняк, Воронина, 2024; Скачкова, Клименко, Герасимова, Кривошеева-Медянцева, 2024; Сушко, 2024; Дудин, Тихонова, 2024; Мареева, 2018; Антипина, Миклашевская, Орлова, 2025]. При этом сложившаяся исследовательская традиция в отношении измерения характеристик благополучия предполагает рассмотрение двух его категорий — объективное и субъективное. Если первая категория посвящена измерению неких объективных характеристик, определяющих уровень и качество жизни индивида (доход, образование, здоровье, занятость и т.п.), то субъективное благополучие основано на оценке достигнутых им уровня и качества жизни, а также на удовлетворённости статусом и условиями жизнедеятельности.

Комиссия по измерению экономической эффективности и социального прогресса («Комиссия Стиглица») в своих основных рекомендациях пришла к выводу, что показатели субъективного благополучия предоставляют ключевую информацию о качестве жизни людей [Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009]. Это особо подчёркивает важность достижения и поддержания его приемлемого уровня — как в обществе в целом, так и в составе различных социальных групп. При этом важно подчеркнуть, что на субъективное благополучие влияет сложная совокупность факторов и условий, изучение которых представляется актуальной задачей для академического сообщества. Предметом нашего исследования в данном контексте является рассмотрение связи между субъективным благополучием и социальным капиталом.

Субъективное благополучие: концептуально-теоретическое обоснование и индикаторы оценки

Рассмотрение субъективного благополучия — часть широкой академической области исследований социальных показателей уровня и качества жизни, в рамках которых, начиная с 60-70-х гг. прошлого века, разрабатываются теоретические модели и проводятся эмпирические измерения факторов и динамики человеческого благополучия.

Исследование качества жизни — это междисциплинарная попытка научно измерить благосостояние отдельных лиц, регионов и обществ [Glatzer, 2004]. Исторически внимание к качеству жизни было вызвано необходимостью изучать прогресс в более широком смысле по сравнению с достаточно тривиальным анализом валового внутреннего продукта (ВВП) стран. Предположение, лежащее в основе использования ВВП для оценки благосостояния, заключается в том, что чем выше этот показатель, тем лучше люди способны удовлетворить свои потребности. Однако показатель ВВП не учитывает многие важные факторы (такие, например, как распределение доходов, неравенство в обществе, возможности

¹ См, например, Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 01.09.2025).

удовлетворения разнообразных потребностей за счёт имеющихся доходов и т.п.). Выступая действенным показателем для оценки рыночной экономической активности и создания богатства, он не вполне подходит для оценки благосостояния членов общества и их субъективного благополучия. Начиная со второй половины XX в., исследовательское внимание стало в большей степени смещаться в сторону определения показателей, позволяющих обеспечить целостное измерение качества жизни [Felce, Perry, 1993].

Традиция исследования благосостояния на основе объективных показателей утверждает, что высокий уровень жизни определяется такими ресурсами, как доход, богатство, знания, навыки и здоровье. Представители традиции, предпочитающей субъективные параметры, склоняются к мысли о том, что качество жизни должно оцениваться самими людьми [Campbell, 1972]. Примеры индикаторов, используемых в рамках этих двух направлений оценки благополучия, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Объективные и субъективные социальные показатели

Объективные социальные показатели	Субъективные социальные показатели
Ожидаемая продолжительность жизни	Чувство общности
Уровень преступности	Материальные блага
Уровень безработицы	Чувство безопасности
Валовой внутренний продукт	Счастье
Уровень бедности	Удовлетворённость «жизнью в целом»
Охват школьным образованием	Отношения в семье
Фактическое рабочее время в неделю	Удовлетворение от работы
Уровень самоубийств	Восприятие распределительной справедливости
	Идентификация класса
	Хобби

Источник: составлено авторами.

При построении индексов благополучия используются либо обособленный подход с точки зрения объективного или субъективного благополучия, либо комбинация двух этих оснований. Так, моделью реализации подхода объективного благополучия может быть индекс скорректированного ВВП, когда к национальному доходу добавляют или вычитают соответствующие факторы: такие как здоровье, образование, неравенство (Австралийский Индекс благополучия HALE) [The Herald/Age, 2011]. Комбинированный подход представлен, например, Индексом лучшей жизни ОЭСР [OECD, 2015], который рассчитывается по одиннадцати параметрам, характеризующим благополучие с точки зрения материальных условий (жилищные, доходные, трудовые) и качества жизни (общество, образование, экология, гражданские права, здоровье, удовлетворённость, безопасность, баланс работа/отдых). Примером интегральной оценки в субъективном выражении выступает Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways, он включает пять основных аспектов: успех, социальное, финансовое, физическое и общественное положение [Gallup, Healthways, 2014].

Объективные показатели по-прежнему широко признаются более точной основой при принятии политических решений. Например, в рамках Организации Объединённых Наций разработан Индекс человеческого развития, состоящий из показателей дохода, образования и здравоохранения, который применяется для сравнительной межстрановой оценки. Однако использование объективных измерений для оценки качества жизни требует консенсуса в обществе относительно понятия «общего блага». Но данный консенсус может оказаться недостижимым, особенно если идея «хорошего общества» становится вопросом политического и идеологического дискурсов. В результате ограничений, характеризующих

объективные показатели качества жизни, всё большее число исследователей обращаются к категории субъективного благополучия.

Факторы, влияющие на субъективное благополучие, как можно предполагать, в разных культурах и странах достаточно схожи [Helliwell, Huang, Harris, 2009]. Существует большое количество эмпирических разработок, посвящённых факторам, коррелирующим с общепризнанным уровнем благополучия и счастья. Во многих исследованиях соответствующие детерминанты изучаются путём проведения многомерного анализа социально-экономических характеристик (объясняющие переменные) и субъективного благополучия (зависимая переменная) [Dolan, Peasgood, White, 2008]. В качестве таких переменных, связанных с субъективным благополучием, выделяется широкий круг факторов: возраст, уровень дохода, состояние здоровья, семейное положение, статус занятости, религиозные верования, наличие в домохозяйстве несовершеннолетних детей, уровень образования и др.

Социальный капитал как общественно значимая конструкция

Исследования общественных отношений, по своей сути близких к социальному капиталу, имеют давнюю историю. Так, Э. Дюркгейм, исследуя связь между социальной сплочённостью и жизненными практиками, сделал вывод о том, что «взаимная моральная поддержка» может быть эффективным фактором, удерживающим людей от совершения самоубийства [Дюркгейм, 1994].

На терминологическом уровне социальный капитал вошёл в социальные науки в 80-е годы прошлого века, став привлекательным для социологов, политологов и экономистов. Концепция социального капитала имеет два важных компонента: она рассматривает, во-первых, ресурсы, встроенные в социальные отношения, а, во-вторых, доступ и использование таких ресурсов, принадлежащих акторам. Индивидуалистический взгляд на ресурсную значимость социального капитала был развит П. Бурдье [Бурдье, 2002] и Дж. Коулманом [Coleman, 1990]. В данном случае исследовательский фокус направлен на ресурсы, которые индивидуумы накапливают в результате своего членства в социальных сетях. Таким образом, П. Бурдье определил социальный капитал как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием прочной сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания. Дж. Коулман предлагал схожее определение. По его мнению, «социальный капитал определяется его функцией. Это не одна сущность, а множество различных сущностей, имеющих две общие характеристики: все они состоят из какого-то аспекта социальной структуры и облегчают определённые действия индивидов, находящихся внутри этой структуры. Как и другие формы капитала, социальный капитал является продуктивным, делая возможным достижение определённых целей, которые были бы недостижимы в его отсутствие» [Coleman, 1990. Р. 332]. Н. Лин даёт индивидуалистическое определение социальному капиталу, описывая его как ресурсы, встроенные в социальную структуру, к которым осуществляется доступ и которые мобилизуются в целенаправленных действиях, или просто как «ресурсы, встроенные в социальные сети» [Lin, Erickson, 2008].

Р. Патнэм расширяет понимание социального капитала до уровня общественного блага, которое можно рассматривать на уровне не только отдельных индивидов, но и групп, регионов или нации. В определение включаются связи между людьми — социальные сети, и вытекающие из них нормы взаимности и доверия [Putnam, 2000]. Следовательно, рассматриваемая категория относится к коллективной ценности всех «социальных сетей» и к возможностям, достижимым в результате их использования. Социальный капитал относится к особенностям организации сообщества, таким как доверие, нормы и сети, которые могут повысить эффективность вследствие осуществления скоординированных действий [Патнэм, 1996].

Р. Флорида, сопоставляя свой рейтинг креативности и рейтинг социального капитала Патнэма, отметил одну особенность в анализе последнего. Оказалось, что у него города с высоким уровнем социального капитала имеют низкие уровни креативности и наоборот. Например, в нижней части рейтинга Патнэма оказались такие инновационные центры, как Силиконовая долина, Остин, Боулдер, Анн Арбор. Флорида считал, что ослабленные социальные связи в городах таких центров оказываются ключевым механизмом мобилизации ресурсов, идей и информации при решении различных инновационных проблем [Florida, 2002]. Однако эти идеи, равно как и некоторые мысли Патнэма, опроверг Р. Инглхарт, напомнивший, что разным этапам развития соответствуют разные типы социальных связей. «Скрепляющие» связи свойственны индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим ему превалированием ценностей выживания. А связи, «наводящие мосты» между представителями разных групп, присущи более высокому уровню развития и господству ценностей самовыражения. «Социальный капитал в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму» [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 211]².

В итоге в теоретической литературе социальный капитал подразделяется на различные подтипы. Под «связывающим» понимаются сети, нормы и договорённости, которые облегчают совместную деятельность внутри однородных групп, а «соединяющий» включает связи между различными группами и общностями [Helliwell, 2001]. Связывающий социальный капитал (bonding) можно образно обозначить как некий «клей», скрепляющий общность на основе идентичности, норм и ценностей, тогда как соединяющий (bridging) подобен «смазке», облегчающей взаимодействия и отношения между группами. Эти две разновидности характеризуют горизонтальные отношения в общественных образованиях. Однако в некоторых исследованиях предлагается также вертикальное измерение социального капитала, и данный подтип описывает связи между людьми, обладающими неравной властью и ресурсами [Halpern, 2005].

В ходе исследований прослеживается также различие между структурным и когнитивным аспектами социального капитала. Структурный аспект описывает членство и участие в сетях (разделяясь при этом на формальные и неформальные связи), тогда как когнитивный реализуется в форме межличностного доверия.

Все определения социального капитала рассматривают его как ресурс, находящийся в общественных сетях. Однако можно провести различие между «сетевым» взглядом, когда социальный капитал рассматривается как индивидуальный ресурс, имеющий инструментальную ценность, и «коммунитарным» восприятием, при котором внимание уделяется атрибутам, присущим структуре отношений (общественному благу) [Yip et al., 2006]. Так, П. Бурдье и Дж. Коулман подчёркивали «рыночную» сторону термина социальный капитал, тогда как Р. Патнэм — «социальную».

Большинство исследователей солидарно в том, что рассматриваемый ресурс является одновременно и частным, и коллективным благом, т. е. выгоду от него получают как отдельные люди, так и сообщества (в том числе, и страны) в целом. Попытки объединения различных форм и определений социального капитала в единую концептуальную рамку привели к обоснованию рассмотрения данной категории на уровне трёх измерений: компоненты (сети, нормы, санкции), уровни анализа (индивидуальный, сообщество, нация) и характер (связь, связывание) [Halpern, 2005].

² В период создания центра «Сколково» как отечественной Силиконовой долины одну из проблем, встающих на этом пути, отметил М. Грановеттер. Успех Силиконовой долины во многом был обусловлен тем, что она создавалась «снизу», рядом с университетами, занимающимися естественно-научными и технологическими исследованиями, в соответствующей социальной среде, соединяющей её обитателей. Для Сколково этот фактор отсутствовал [Плискевич, 2012. С.20].

Сложились определённые методологические подходы к измерению социального капитала. Так, Р. Патнэм интерпретировал его через интенсивность участия в общественной и организационной жизни, волонтерство, неформальное общение и межличностное доверие в рамках соответствующих групповых образований. В результате в ряде исследований членство в общественной организации было выбрано в качестве основного индикатора [Li, Ferraro, 2006]. Важно отметить, что членство на основе межличностного доверия должно быть дополнено таким показателем, как интенсивность участия [Bjørnskov, 2008]. При этом доверие, выступая «сильным эмпирическим показателем социального капитала», может быть как следствием, так и фактором часто используемых сетей.

Положительное представление о социальном капитале как о ключевом факторе, способствующем развитию сообществ, обоснованно дополняется важными замечаниями, подчёркивающими его потенциально неоднозначную роль. В рамках «сетевого подхода» отмечается, что социальный капитал может приводить как к функциональным, конструктивным, так и к негативным последствиям: посредством социальных связей способно распространяться не только счастье, но и несчастье. При этом склонность к счастью выше в центре социальных сетей, чем на их периферии [Fowler, Christakis, 2008]. Кроме того, хотя социальный капитал, безусловно, предоставляет людям ценный доступ к ресурсам, он также способен оказывать на них определённое групповое давление, налагая обязательства, которые могут оказаться затруднительными или даже трудновыполнимыми. В частности, отмечаются четыре потенциально негативных последствия развития социального капитала: исключение посторонних, чрезмерные требования к членам сообщества, ограничения индивидуальной свободы и нивелирующие нормы [Portes, 1998].

При том, что значительная роль в результативности развития социального капитала принадлежит отдельной личности, ряд важных негативных особенностей способны ощущаться не самими акторами, а обществом, частью которого они являются. В частности, члены групп со значительным социальным капиталом могут исключить посторонних и объединиться в группы для достижения целей, которые наносят ущерб окружающим. Примерами подобных сплочённых групп, оказывающих негативное влияние на окружающих, являются не только мафиозные и антиобщественные сетевые образования. Картельные соглашения ухудшают общественное благосостояние, сложившиеся карьерные сети выступают дополнительным барьером социальной мобильности для молодых специалистов, а религиозные группы могут разделять сообщества [Фукуяма, 2004].

Р. Патнэм подвел итог дискуссии об указанных последствиях развития социального капитала. С его точки зрения, социальный капитал может быть направлен на злонамеренные, антисоциальные цели, как и любая другая форма капитала. А потому важно задаться вопросом, каким образом можно максимизировать положительную сторону его воздействия. Среди перечисляемых им направлений в этой сфере называются взаимный прогресс, сотрудничество, доверие, институциональная эффективность. Минимизации негативных сторон способствует преодоление сектантства, этноцентризма и коррупции [Putnam, 2000].

Механизмы влияния социального капитала на социальное благополучие

Результаты концептуальных и эмпирических разработок подтверждают, что социальный капитал является источником моральной поддержки и снижает негативные побочные эффекты модернизации, смягчая стрессы и генерируя чувство принадлежности, что позволяет членам сообществ повысить удовлетворённость жизнью. Социальная вовлечённость, очевидно, помогает людям справляться с проблемами отчуждения и изоляции, способствующими возникновению значимых социальных деприваций. Основываясь на разработках Э. Дюркгейма, можно постулировать, что чрезмерная индивидуализация

провоцирует замену тесных связей «рыхлыми сетями» взаимодействий. Отсутствие функционирующих горизонтальных связей чревато «аномией» [Дюркгейм, 1994], и в результате люди испытывают когнитивный диссонанс и неудовлетворённость жизнью.

Идеи Э. Дюркгейма продолжают вдохновлять современных исследователей, которые указывают, что происходящие процессы индивидуализации сопровождаются «ослаблением сетей». Таким образом, сокращение личных контактов приводит к отчуждению и уменьшению доверия между людьми, что способствует снижению чувства общности и ощущения совместной цели, стимулируя состояние неблагополучия. Можно сделать вывод о том, что благополучие людей во многом зависит от того, удастся ли поддерживать и развивать эффективные механизмы социального участия и интеграции. Территории и страны со значительным уровнем социального капитала становятся средами с более высоким субъективным благополучием в том числе потому, что люди в них более активно поддерживают друг друга.

Исследователи в области психологии подтверждают суждение, в соответствии с которым социальные отношения — значимый элемент человеческого благополучия [Donovan, Halpern, Sargeant, 2002]. Именно по этой причине социальная принадлежность является жизненно важной частью концептуальной иерархии потребностей А. Маслоу. В научных работах отмечается, что субъективное благополучие возрастает с увеличением количества партнёров доверительных коммуникаций [Powdthavee, 2008], а для повышения удовлетворённости жизнью люди нуждаются в поддерживающих, позитивных отношениях и ощущении социальной принадлежности.

Социальный капитал обычно рассматривается в научной литературе через инвестиции в социальные отношения, посредством которых люди получают доступ к ресурсам, встроенным в эти отношения, с целью увеличения ожидаемой выгоды. Когда люди инвестируют в социальные отношения, они могут затем получать вознаграждение в виде доступа к определённым благам, доступным через других членов сети [Lin, Erickson, 2008]. Механизм, с помощью которого ресурсы, встроенные в социальные сети, улучшают результаты действий участников взаимодействий, можно определить с помощью четырёх аспектов: информация, влияние, полномочия и подкрепление. По мнению Н. Лина, в конце причинно-следственной цепочки, следующей за описанными механизмами, стоят три типа «отдачи»: физическое здоровье, психическое здоровье и удовлетворённость жизнью [Lin, 2001]. Частое взаимодействие с другими людьми увеличивает шансы на получение поддержки и полезной информации. Кроме того, социальный капитал связан с выполнением нескольких ролей для людей, которые включены в те или иные социальные сети отношений. Его рост может положительно сказываться на субъективном благополучии за счёт доступа к ролевым привилегиям, безопасности, статусу, престижу и повышению чувства собственного достоинства [Morrow-Howell, Hong, Tang, 2009].

Доверие между людьми также сокращает транзакционные издержки в обществе и снижает сложность взаимодействий [Фукуяма, 2004]. Следовательно, способность доверять другим делает жизнь более продуктивной за счёт минимизации затрат на борьбу с риском и неопределённостью, позволяет людям лучше взаимодействовать, тем самым делая жизнь более безопасной и счастливой [Helliwell, Putnam, 2004]. Таким образом, высокие показатели доверия являются хорошим предиктором повышения уровня субъективного благополучия.

Ряд исследований, посвящённых взаимосвязи между социальным капиталом и субъективным благополучием, включают показатель межличностного доверия в число индикаторов качества социальных отношений. Так, количественные оценки взаимосвязи доверия на рабочем месте и субъективного благополучия свидетельствуют о том, что повышение на каждый пункт в рамках десятибалльной «доверительной» шкалы приводит к увеличению удовлетворённости жизнью [Helliwell, Huang, Harris, 2009]. Кроме того, сравнительно

высокое доверие к официальным институтам (государство, полиция, правовая система) положительно коррелирует с субъективным восприятием условий жизнедеятельности. Обнаружены значимые корреляции на индивидуальном уровне с оценками качества жизни для пяти отдельных показателей доверия: социальное доверие, доверие полиции, правовой системе, парламенту и политикам [Lelkes, 2006]. Исследования также свидетельствуют о том, что сообщества с высоким уровнем доверия демонстрируют большую устойчивость перед вызовами и рисками различной природы (например, потеря работы, ухудшение состояния здоровья, дискриминация и пр.).

Как отмечается, люди, которые активно вовлечены в практики волонтерства, характеризуются большими показателями счастья, чем те, кто не занимается подобной деятельностью [Borgonovi, 2008]. Предоставление неформального ухода или поддержки супругу, семье и друзьям приносит значительное внутренне вознаграждение и повышение субъективной удовлетворённости [Thomas, 2009]. В большинстве стран мира люди, которые жертвовали деньги на благотворительность, сообщали о более высоком уровне удовлетворённости жизнью, по сравнению с теми, кто этого не делал [Aknin, Dunn, Whillans, Grant, Norton, 2013].

Активная вовлечённость в решение социальных проблем (просоциальное поведение) способствует повышению субъективного благополучия благодаря ряду факторов. Во-первых, просоциальное поведение приносит наибольшую эмоциональную выгоду, когда оно способствует установлению социальных связей. Во-вторых, подобные действия также с большей вероятностью будут способствовать субъективному благополучию, когда данные поведенческие модели объясняются альтруистическими, а не эгоистическими мотивами. В-третьих, просоциальное поведение приводит к повышению субъективного благополучия в том случае, если это поведение обусловлено личным выбором, а не навязано извне. Кроме того, включённость в общественную проблематику положительно связана с субъективным благополучием в том случае, если актор знает и понимает, что оказывает реальную помощь конкретному лицу или группе.

Неформальные связи в рамках социального капитала (друзья, соседи и коллеги) могут обеспечить социальную поддержку в стрессовых ситуациях, возникающих из-за неблагоприятных жизненных событий. Люди часто вступают в социальные взаимодействия ради самореализации, для того чтобы их знали и понимали, а также с целью разделить личные устремления с единомышленниками. Реализация этих задач, очевидно, стимулирует повышение субъективного благополучия.

В ряде исследований изучалась важность неформального социального капитала, то есть тесных связей с друзьями, соседями и коллегами. В частности, Й. Ли приходит к выводу, что наличие подобных прочных связей положительно коррелирует с показателями счастья [Li, Ferraro, 2006]. Также отмечается, что время, проведённое с семьёй и друзьями, связано с более высоким уровнем положительных эмоций и снижением стрессовых состояний [Kahneman et al., 2004].

Хорошие социальные отношения, как свидетельствуют данные Всемирного исследования ценностей [Haller, Hadler, 2006], положительно связаны с такими переменными, как счастье и удовлетворённость жизнью. Тесные и близкие межличностные взаимодействия в значительной степени определяют положение на шкале субъективного благополучия. Например, среди пожилых людей неформальная социальная активность не только приводит к повышению удовлетворённости жизнью, но также снижает интенсивность симптомов депрессии, а подростки, которые хорошо интегрированы в дружеские сети, чаще характеризуются хорошим психическим здоровьем [Lelkes, 2006].

Прямая корреляция между характеристиками межличностного доверия и субъективного благополучия на уровне межстрановых сравнений прослеживается по результатам анализа данных Европейского исследования ценностей (EVS) [Inglehart, Rabier, 1986].

На основе регрессионного анализа данных «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey, WVS) по 32 странам можно подтвердить вывод о том, что, хотя показатели объективного благополучия страны (доход, экономическая стабильность, перспективы на будущее и другие важные характеристики), безусловно, влияют на удовлетворённость людей своей жизнью, связь между социальным капиталом и счастьем также оказывается чрезвычайно устойчивой и сильной [Bjørnskov, 2003]. В аналогичном анализе, характеризующем на данных WVS более 70 стран, установлено, что в более богатых государствах значение социального капитала для усреднённых национальных характеристик субъективного благополучия даже превышает роль некоторых объективных экономических параметров. Таким образом, как только доступ к материальным жизненным потребностям на общественном уровне оказывается приближенным к всеобъемлющему, качество межличностных отношений и связей приобретает всё большую значимость [Kroll, 2008].

Значимость социального капитала в условиях современной России

В современной российской практике проблематика социального капитала активно разрабатывается с начала 2000-х гг. В ходе достаточно многочисленных исследований подтверждено, что продуктивная включённость в систему социальных взаимодействий конвертируется в решение задач социально-экономической адаптации и вертикальной мобильности, а также входит в число факторов социальной стратификации и неравенства [Аврамова, Логинов, 2002; Радаев, 2003; Стрельникова, 2003; Виноградский, 2010; Немировский, Немировская, 2011; Полищук, 2011; Бинюкова, 2014; Иванов, Комаров, Павлов, Румянцев, 2014]. В последние годы, на фоне достаточно высокой турбулентности и кризисных проявлений различной природы, результаты проводимых исследований также подтверждают значение социального капитала в ресурсообеспеченности населения, возможностях сглаживания неравенства и выстраивания продуктивных моделей социально-экономического поведения в этих условиях [Каравай, 2021; Логинов, 2021; Каравай, 2023; Павленко, 2025].

Взаимосвязь социального капитала и субъективного благополучия в условиях актуального социально-экономического контекста мы рассмотрим на данных массового анкетного опроса, репрезентирующего население России в возрасте 18 лет и старше³, который был проведён Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2023 г. Социальные взаимодействия на индивидуальном уровне приобретают ресурсную значимость, когда могут быть «конвертированы» в достижение конкурентных преимуществ, замещение дефицита других ресурсов или увеличение их ликвидности. В этой связи социальный капитал может быть рассмотрен через анализ широты потенциально полезных социальных взаимодействий, т.е. через количество субъектных общественных групп, которые могут оказать помощь в разрешении трудных ситуаций или способствовать реализации успешных поведенческих моделей. В ходе исследования протестированы взаимоотношения респондентов со следующими группами акторов: родственники, друзья, коллеги, участники сетевых сообществ в интернете, государственные органы, общественные организации. Субъективные представления о возможности получения помощи и поддержки со стороны каждой из этих групп позволяют определить уровень ресурсных возможностей в системе социальных

³ Опрос реализован методом телефонного анкетирования посредством случайной стратифицированной систематической выборки мобильных телефонных номеров. Реализованное на основе данных Росстата квотирование территориальных страт (Столицы, Центр, Урал, Сибирь, Восток) позволило территориально распределить выборку в соответствии с показателями генеральной совокупности. Показатели достигнутой выборки по основным демографическим характеристикам соответствуют актуальным данным Росстата. Совокупный объём выборочной совокупности составил 2016 респондентов.

взаимодействий⁴. Данный подход имеет очевидные ограничения, связанные с тем, что индивиды в системе социальных взаимодействий не обладают полной информацией о действиях контрагентов в прожективной динамике. Однако при этом реализованный анализ представляется достаточно показательным для дифференцированной оценки «силы» имеющегося социального капитала, поскольку соответствующие суждения выносятся на основе полученного социального опыта и накопленной рациональности восприятия. Таким образом, мы можем вполне обоснованно предполагать, что россияне, рассчитывающие на помощь широкого круга социальных субъектов, действительно имеют больший потенциал получения помощи и поддержки, по сравнению с теми, кто изначально предполагает возможным полагаться либо лишь на ближайшее окружение, либо исключительно на собственные силы.

Результаты, представленные на рис. 1, иллюстрируют дифференциацию показателей удовлетворённости жизнью в целом (которые традиционно смещены в сторону позитивных значений оценочной шкалы) по группам разного уровня потенциально ресурсных социальных взаимодействий. Как видно, взаимосвязь является крайне существенной.

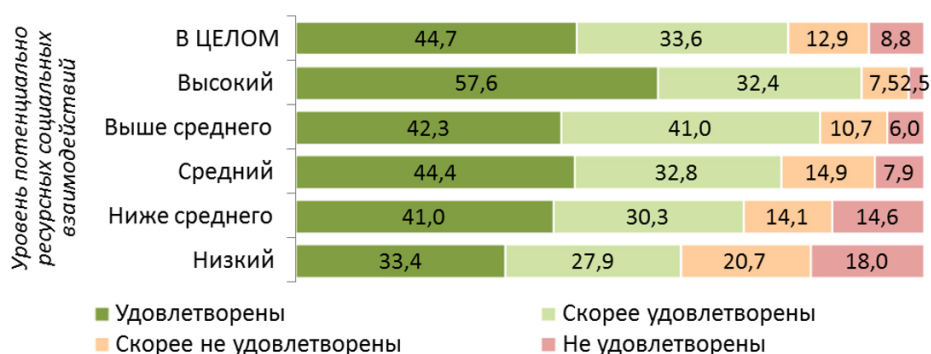

Рис. 1. Показатели декларированной удовлетворённости жизнью в целом, по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Развитые социальные ресурсы в значительной степени связаны с таким индикатором благополучия, как ощущение возможностей самореализации (рис. 2). Если в двух группах ограниченного потенциала социальных взаимодействий согласны с тем, что в повседневной жизни у них присутствуют возможности реализовать собственные способности (по 46% опрошенных), то в двух группах, отличающихся от средней в большую сторону, соответствующий ответ характеризует самооощение 64 и 81% опрошенных.

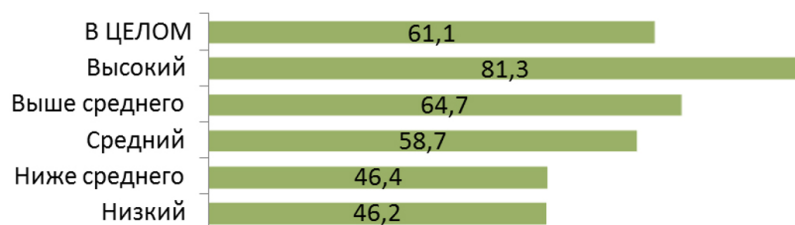

Рис. 2. Доля согласных с утверждением: «В повседневной жизни у меня достаточно много возможностей реализовать свои способности», по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

⁴ Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий признаётся низким при отсутствии возможности результативного обращения за помощью и поддержкой к представителям хотя бы одной из перечисленных групп (11,3% опрошенных); ниже среднего — если потенциал подобных обращений ограничивается одной группой (19,0%); средний — при наличии двух подобных групп (26,1%); выше среднего — при трёх группах (23,5%); высокий — если подобных групп от четырёх до шести (20,1%).

Отмечается также существенная взаимосвязь между наличием потенциально ресурсных социальных взаимодействий различного уровня с распространённостью негативного эмоционального жизненного фона. Более половины опрошенных, имеющих высокий или выше среднего уровень развития рассматриваемых ресурсов, ощущают себя свободными от ощущения тревоги и подавленности, а в сильной степени подвержены таким ощущениям менее 10% опрошенных. В группах «слабого» социального капитала ситуация заметно отличается, и сильная степени тревоги и подавленности характеризует кратко большее число россиян (рис. 3).

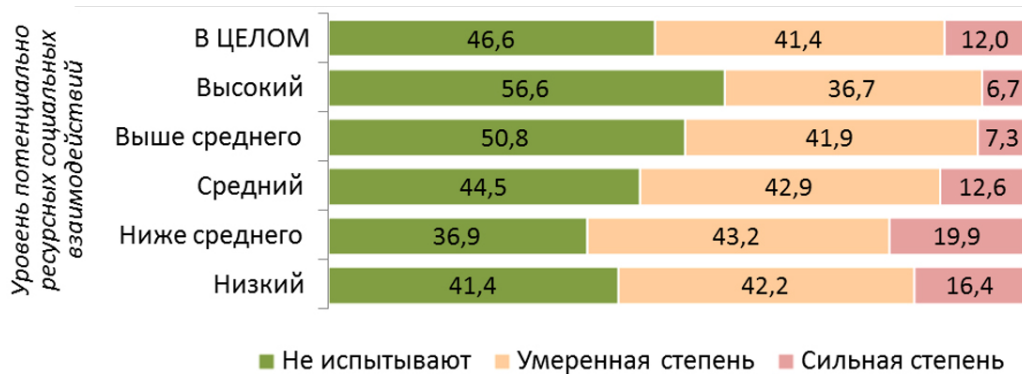

Рис. 3. Подверженность ощущениям тревоги и подавленности, по уровням потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

* * *

Обобщая, важно подчеркнуть, что различные элементы социальной структуры и культуры, составляющие социальный капитал, а также влияющие на его развитие и поддержание на достаточно высоком уровне, оказывают существенное влияние на субъективное благополучие. Данное влияние подтверждается на концептуальном и эмпирическом уровнях в отношении как отдельных социальных групп, так и общества в целом. По мере развития общественных структур всё большее значение в повышении удовлетворённости жизнью приобретает синергия, связывающая социальный капитал и просоциальное поведение. В этой связи актуализируются общественные и административные усилия, способствующие наращиванию социального капитала и преодолению барьеров его продуктивного использования для повышения благополучия. Существует множество областей социальной политики, где эта синергия может найти конструктивное воплощение, повысив качество работы здравоохранительной, образовательной, трудовой сфер, системы социального обеспечения, а также способствуя развитию каналов «обратной связи» от общественных групп к органам власти. От продуктивности соответствующих усилий во многом зависит динамика социального развития: не только в актуальный временной период, но и на горизонте ближайших десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности [Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002). Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities] // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 24–34.
- Аникин В.А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. (2024). Концепция благополучия в общественных науках [Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. (2024). The Concept of Well-Being in Social Sciences] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6 (184). С. 319–341. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2800.

- Антипина О.Н., Миклашевская Н.А., Орлова Е.А. (2025). Экономический смысл и прикладное значение индикаторов удовлетворённости жизнью [Antipina O., Miklashevskaya N., Orlova E. (2025). Economic Sense and Application Significance of Life Satisfaction Indicators] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1(26). С. 7–22. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_7_22.
- Бинюкова И.С. (2014). Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ) [Binyukova I.S. (2014). Social Capital in Russia: Problems and Prospects of Development (Social and Philosophical Analysis)]. — Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества.
- Бурдье П. (2002). Формы капитала [Bourdieu P. (2002). Forms of Capital] // *Экономическая социология*. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Виноградский В.Г. (2010). Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы [Vinogradsky V.G. (2010). Social Capital of Rural Communities: The Concept, Dynamics and Prospects]. — Саратов: Саратовский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет».
- Горшков М.К. (2024). Субъективное благополучие в контексте качества жизни (по результатам социологических измерений) [Gorshkov M.K. (2024). Subjective Well-Being in the Context of Quality of Life (Based on the Results of Sociological Measurements)] // *Вестник Российской академии наук*. Т. 94. № 2. С. 107–114. DOI 10.31857/S0869587324020031.
- Дудин И.В., Тихонова Н.Е. (2024). Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы [Dudin I.V., Tikhonova N.E. (2024). Subjective Well-Being of Russians Through the Prism of Their Identities: State and Factors] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 12. № 3. С. 6–25. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.1.
- Дюркгейм Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд [Durkheim E. (1994). Suicide: A sociological study]. — М.: Мысль.
- Иванов В.В., Комаров В.М., Павлов П.Н., Румянцев Н.А. (2014). Вопросы модернизации: роль социального капитала [Ivanov V.V., Komarov V.M., Pavlov P.N., Rumiyansev N.A. (2014). Modernization Issues: The Role of Social Capital]. — М.: Изд. Дело.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Inglehart R., Welzel C. (2011). Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence]. — М.: Новое издательство.
- Каравай А.В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования [Karavay A.V. (2021). Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9, № 4(36). С. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605.
- Каравай А.В. (2023). Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции [Karavay A.V. (2023). The Social Capital of Russian Society: A Year Under a Special Military Operation] // *Terra Ecomonicus*. Т. 21. № 4. С. 91–105. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105.
- Логинов Д.М. (2021). Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле [Loginov D.M. (2021). Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5.
- Мареева С.В. (2018). Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе [Mareeva S.V. (2018). Subjective Well-Being and Ill-Being Zones in the Russian Society] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707.
- Немировский В.Г., Немировская А.В. (2011). Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края [Nemirovsky V.G., Nemirovskaya A.V. (2011). Social Structure and Social Capital of the Population of Krasnoyarsk Region]. — Красноярск: Сибирский федеральный университет.
- Павленко Б.В. (2025). Социальный капитал и экономическое неравенство в городах России: анализ социальных сетей [Pavlenko B.V. (2025). Social Capital and Economic Inequality in Russian Towns: Social Network Analysis] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2(27). С. 144–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. [Putnam R. (1996). To make democracy work: Civic traditions in modern Italy]. — М.: Ad Marginem.
- Плискевич Н.М. (2012). Человеческий капитал в трансформирующейся России [Pliskevich N. (2012). Human capital in transforming Russia] — М.: ИЭ РАН.
- Полищук Л.И. (2011). Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Polishchuk L.I. (2011). Social Capital in Russia: Measurement, Analysis, Impact Assessment] // *Городское управление*. № 6. (179). С. 83–90.
- Радаев В.В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Radaev V.V. (2003). The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–16.
- Скачкова Л.С., Клименко Л.В., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2024). Благополучные люди в России: роль экономического и социального капитала [Skachkova L.S., Klimenko L.V., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D.D. (2024). Happy People in Russia: The Role of Economic and Social Capital] // *Журнал институциональных исследований*. Т. 16. № 3. С. 126–146. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.126-146.

- Стрельникова Л.В. (2003). Социальный капитал: типология зарубежных подходов [Strel'nikova L. V. (2003). Social Capital: A Typology of Foreign Approaches] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 33–41.
- Сушко П.Е. (2024). Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений [Sushko P.E. (2024). Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements] // *Вестник Института социологии*. Т. 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4.
- Фукуяма Ф. (2004). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. [Fukuyama F. (2004). *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*]. — М.: АСТ.
- Aknin L.B., Dunn E.W., Whillans A.V., Grant A.M., Norton M.I. (2013). Making a difference matters: Impact unlocks the emotional benefits of prosocial spending // *Journal of Economic Behavior and Organization*. No. 88. Pp. 90–95.
- Borgonovi F. (2008). Doing well by doing good. The relationship between formal volunteering and self-reported health and happiness // *Social Science & Medicine*. No. 66(11). Pp. 2321–2334.
- Bjørnskov C. (2003). The happy few: Cross-country evidence on social capital and life satisfaction. // *Kyklos*. No. 56(1). Pp. 3–16.
- Bjørnskov C. (2008). Social capital and happiness in the United States // *Applied Research in Quality of Life*. No. 3(1). Pp. 43–62.
- Campbell A. (1972). Aspiration, satisfaction and fulfilment. // *The human meaning of social change* / A. Campbell & P.E. Converse (Eds.). — New York: Russell Sage Foundation. Pp. 441–446.
- Coleman J. (1990). *Foundations of social theory*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dolan P., Peasegood T., White M. (2008). Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being // *Journal of Economic Psychology*. No. 29 (1). Pp. 94–122.
- Donovan N., Halpern D., Sargeant R. (2002). *Life satisfaction: The state of knowledge and implications for government*. — London: Prime Minister's Strategy Unit.
- Felce D., Perry J. (1993). *Quality of life: A contribution to its definition and measurement*. — Bangor: University of Wales.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. — N.Y.: Basic Books.
- Fowler J., Christakis N. (2008). Dynamic spread of happiness in a large social network: Longitudinal analysis over 20 years in the framingham heart study // *British Medical Journal*. No. 4(337). Pp. 677–691.
- Gallup, Healthways. (2014). *State of global well-being. Results of the Gallup–Healthways Global well-being index*. URL: https://www.miqols.org/resources/Gallup-Healthways_State_of_Global_Well-Being_vFINAL.pdf (access date: 20.08.2025)
- Glatzer W. (2004). Challenges for the quality of life in contemporary societies. // *Challenges for quality of life* / W. Glatzer, S. Below & M. Stoffregen (Eds.). — Dordrecht: Kluwer. Pp. 3–10.
- Haller M., Hadler M. (2006). How social relations and structures can produce happiness and unhappiness: An international comparative analysis // *Social Indicators Research*. No. 75. Pp. 169–216.
- Halpern D. (2005). *Social capital*. — Cambridge: Polity.
- Helliwell J.F. (2001). Social capital, the economy and well-being. // *The review of economic performance and social progress* / K. Banting, A. Sharpe & F. St-Hilaire (Eds.). — Montreal: Institute for Research on Public Policy and Centre for the Study of Living Standards. Pp. 43–60.
- Helliwell J.F., Huang H., Harris A. (2009). International differences in the determinants of life satisfaction. // *New and enduring themes in development Economics* / T. Ray, E. Somanathan & B. Dutta (Eds.). — Singapore: World Scientific.
- Helliwell J.F., Putnam R.D. (2004). The social context of well-being // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London Series B-Biological Sciences*. No. 359(1449). Pp. 1435–1446.
- Inglehart R., Rabier J.R. (1986). Aspirations adapt to situations — but why are the Belgians so much happier than the French? A cross-cultural analysis of the subjective quality of life // *Research on the quality of life* / F.M. Andrews (Ed.). — Ann Arbor: University of Michigan. Pp. 1–56.
- Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A. (2004). A survey method for characterizing daily life experience: The day reconstruction method // *Science*. No. 306. Pp. 1776–1780.
- Kroll C. (2008). *Social capital and the happiness of nations. The importance of trust and networks for life satisfaction in a cross-national perspective*. — Frankfurt a.M.: Peter Lang Publishing.
- Lelkes O. (2006). Knowing what is good for you. Empirical analysis of personal preferences and the «objective good» // *The Journal of Socio-Economics*. No. 35. Pp. 285–307.
- Li Y., Ferraro K. (2006). Volunteering in middle and later life: Is health a benefit, barrier or both? // *Social Forces*. Vol. 85. No. 1. Pp. 497–519.
- Lin N. (2001). Building a network theory of social capital. In L. Nan, K. Cook & R. S. Burt (Eds.). *Social capital: Theory and research*. — New York: De Gruyter. Pp. 3–30.
- Lin N., Erickson B. H. (2008). Theory, measurement, and scope of social capital research. // *Social capital. An international research program* / N. Lin & B. H. Erickson (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.

- Morrow-Howell N., Hong S.I., Tang F.Y. (2009). Who benefits from volunteering? Variations in perceived benefits // *Gerontologist*. Vol. 49. No1. Pp. 91–102.
- OECD (2015). *How's Life? 2015: Measuring Well-being*. OECD Publishing. URL: https://www.oecd.org/en/publications/how-s-life-2015_how_life-2015-en.html (access date: 20.08.2025).
- Portes A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. No. 24. Pp. 1–24.
- Powdthavee N. (2008). Putting a price tag on friends, relatives, and neighbours: Using surveys of life-satisfaction to value social relationships // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 37. No. 4. Pp. 1459–1480.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. — New York: Simon & Schuster.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. — Paris: CMEPSP.
- The Herald/Age (2011). *Lateral Economics Index of Australia's Wellbeing*. URL: <https://lateraleconomics.com.au/wp-content/uploads/2014/02/Fairfax-Lateral-Economics-Index-of-Australias-Wellbeing-Final-Report.pdf> (access date: 20.08.2025).
- Thomas P.A. (2009). Is it better to give or to receive? Social support and the well-being of older adults. // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. No. 65B(3). Pp. 351–357.
- Yip W., Subramanian S.V., Mitchell A.D., Lee D.T.S., Wang J., Kawachi I. (2006). Does social capital enhance health and well-being? Evidence from rural China // *Social Science & Medicine*. No. 64. Pp. 35–49.

Титов Владимир Николаевич

titov-vn@ranepa.ru

Vlagimir Titov

Dr. Sci. (Econ), Leading Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
titov-vn@ranepa.ru

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
loginov-dm@ranepa.ru

THE INFLUENCE OF SOCIAL CAPITAL ON SUBJECTIVE WELL-BEING

Abstract. The article reviews mechanisms of influence that development of social capital may have on subjective well-being at the conceptual and theoretical level as well as at the level of empirically confirmed research practice. The relevance of the study is defined by importance of subjective well-being appropriate level increasing and maintaining both for various social groups and the population in general. Thus, identifying and analyzing factors that contribute to positive socio-economic dynamics is significant not only from the point of view of the research discourse development but also in the context of country's productive development. Subjective well-being is considered as category of quality-of-life research that allows us to overcome limitations of welfare assessment objective parameters focusing on human needs and the degree of their satisfaction. Social capital has been analyzed as a resource of exceptional social significance as it acts both to strengthen social integrity and to enhance efficiency of interactions of various natures. Considerable social capital encourages enhancement of subjective well-being as well as acts as barrier to negative dynamics in life satisfaction. The impact of social capital on subjective well-being acquires particular significance in periods of turbulence when population faces the challenge of overcoming various shocks.

Keywords: *subjective well-being, welfare, social capital, quality of life, social interactions, trust, population.*

JEL: A13, I31, Z13.